

УДК 929

Дегальцева Екатерина Александровна,
д-р ист. наук, проф.
Бийский технологический институт АлтГТУ,
katerina3310@yandex.ru

А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны

Аннотация: В статье рассматривается становление биографии генерала А.Н. Пепеляева в период Первой мировой войны в русле военно-исторической антропологии. С привлечением разноплановых источников прослеживается формирование офицерской психологии А.Н. Пепеляева на разных этапах: обучения в кадетском корпусе, военном училище, фронтах Первой мировой войны. Идеологическая позиция и участие в гражданской войне были опосредованы именно этими биографическими скрепами. Таким образом, у А.Н. Пепеляева к концу Первой мировой войны сформировался особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения, особый тип личности, сформированный войной. А.Н. Пепеляев не стал успешным и проницательным политиком, но сделал блестящую военную карьеру, которая претерпела неожиданный поворот в связи с драматическими событиями нашей истории. Выделены важные для достижения этих целей качества: жёсткое соблюдение внутренней дисциплины, групповая сплоченность, эмоциональная устойчивость в боевых операциях и экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: А.Н. Пепеляев, Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, военно-историческая антропология, военная психология.

Военно-историческая антропология является новой отраслью научного знания. В течение последних 15–20 лет ведущие исследователи Е.С. Сенявская, В.И. Бажуков, В.Л. Кожевин и др. рассмотрели личностные, биографические, когнитивные аспекты в истории войн и революций [1, 2, 3, 4]. С другой стороны, сам феномен войны стал в ней своего рода призмой, через которую можно рассматривать дальнейшую жизненную стратегию и идейные принципы, т.е. мы рассматриваем войну через призму личности, а личность через призму войны.

Военный нарратив в биографическом исследовании об Анатолии Пепеляеве (15.08.1891 – 14.01.1938) занимает ведущее место. Он стал ведущим в понимании роли и идеологических установок А.Н. Пепеляева в Гражданской войне. С этих позиций мы можем изучать человеческое измерение Первой мировой и гражданской войн.

Как пишет В.Л. Кожевин, «тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал

качества, отличавшие его от штатского человека» [4, с. 10]. Так же и у героя нашего исследования мы видим особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения, особый тип личности, сформированный войной.

Судьбы братьев Виктора и Анатолия Пепеляевых не раз являлись предметом специального исследования в историографии [5, 6, 7, 8, 9]. В.И. Шишкиным был проведен анализ дневников и личных документов Виктора Николаевича Пепеляева [9]. А.А. Петрушин, используя материалы архивов УФСБ по Новосибирской области и Хабаровскому краю подробно рассмотрел причины, предпосылки и детали якутского похода А.Н. Пепеляева 1922–1923 гг. [5] Однако вообще относительно Анатолия Николаевича нужно отметить, что посвященные ему публикации касались в основном только периода Гражданской войны.

Можно предположить, что его военная биография была предопределена. Отец, дяди, братья и племянники Анатолия Николаевича были военными.

Отец Николай Михайлович был генералом, его братья и сыновья выбрали военную карьеру. Всего в семье Николая Михайловича было 12 детей, четверо умерло в младенчестве. Единственным из шести сыновей, не выбравшим военную карьеру, был Виктор, более популярный, известный как видный деятель кадетской партии, член IV Государственной Думы и последний премьер-министр колчаковского правительства [6, с. 17, 23].

Не случайно Э. Радзинский, получив письмо от внучатого племянника А.Н. Пепеляева Юрия Николаевича Пепеляева о судьбах своих родственников-мужчин, погибших на полях разных сражений, назвал историю рода Пепеляевых краткой историей России XX в. [10, с. 180].

Сложившийся в семье Пепеляевых образ мужчины-защитника, дух верности воинскому долгу и служению родине, а также успешная учёба в кадетском корпусе сформировала мировоззрение будущего офицера. Патриотическая и духовно-нравственная подготовка базировалась там на воинских традициях, образцах воинского поведения выдающихся личностей. Изучал всеобщую, отечественную и политическую историю кадет Анатолий Пепеляев по учебникам И.К. Кайданова и С.Н. Смараглова. В своё время автор учебника И.К. Кайданов преподавал историю А.С. Пушкину. Его историко-педагогическая концепция была консервативной и православно-патриотической. А учебник С.Н. Смараглова ещё В.Г. Белинский критиковал за то, что в нём «лишь слегка обозначены причины войн», а всё своё основное внимание автор обращал на сами войны, перечни и подробный ход сражений [11].

Три раза в неделю кадет Пепеляев должен был посещать кабинет для чтения в библиотеке, чтобы приобщиться к русской и зарубежной классике. В 1908 г. он закончил Омский кадетский корпус, а в 1910 г. – Павловское пехотное военное училище в Санкт-Петербурге. Оно считалось элитным, большинство юнкеров его выпуска направились служить офицерами Генштаба. В этом училище Анатолий считался одним из лучших выпускников, получил звание отличного стрелка [11].

Сформированное мировоззрение офицерской корпорации у А. Пепеляева, как и у многих других выпускников, базировалось на уважении власти в лице государя и Отечества. У каждого военного училища был собственный девиз, у Павловского, например, - «Сам погибай, а товарища выручай» [12]. В куплете Марша Павловского училища звучит как бы наказ:

Мы смело на врага,
За русского царя,
На смерть пойдём вперёд,
Своей жизни не щадя!!!

Религиозные ценности составляли венец этих духовных ориентиров. Накануне Февраля 1917 г. они не претерпели изменений, как, впрочем, и впоследствии. В своем дневнике уже после Первой мировой войны, в тяжелый дни Гражданской войны, Анатолий Пепеляев напишет: «Господи, научи меня делать побольше добра», а в конце её из Владивостока напишет жене: «Молись побольше Богу и чаще ходи в церковь»¹. Для того сурового периода это было абсолютно непрактичным восприятием времени.

Психология военного в структуре личности Пепеляева сформировалась уже тогда. С юных лет Анатолий соблюдал строгую дисциплину, всегда очень рано вставал, с военного училища совершенно не пил, чем и выделялся в офицерской среде. Хотя очень много курил и всегда только элитные сорта табака. Он был строг и согласно офицерским традициям жестоко подавлял злоупотребления алкоголем среди солдат, но Пепеляев всегда отличался терпимостью и гуманностью к пленным, как и в последствии к врагам на фронтах Гражданской войны.

После училища он направился служить в Томск подпоручиком, а затем поручиком в 42-й Сибирский стрелковый полк. В возрасте 23 лет, в самом начале Первой мировой войны Пепеляев призывается на фронт командиром конной разведки своего полка. В этой должности он отличился в операциях под Праснышем и Сольдау в Польше, за что был отмечен телеграммой императора. Летом 1915 г., командуя разведчиками 11-й армии и сотней казаков во время отступления русской армии из Польши, разбил 2 батальона противника и вернул потерянные позиции, за что был награжден Георгиевским крестом.

Летом 1916 г. временно командовал 3-м батальоном под Барановичами. Всего во время войны получил следующие награды: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», затем такие же ордена 3-й и 2-й степени с мечами, ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, орден Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. Незадолго до Февральской революции 1917 г., Анатолий Николаевич был произведен в капитаны [7].

Всего на фронтах первой мировой войны А.Н. Пепеляев провел более трех лет, не считая двух краткосрочных отпусков. В боевых операциях он проявил героизм, доблесть и отвагу защитника Отечества.

---

¹ ГАНО. Ф. Д. 158. Оп.1. Д. 4. Л. 5.

Февральская революция застала Пепеляева на фронте. Несмотря на постепенное разложение армии, он держал свой отряд в постоянной боевой готовности, не теряя при этом авторитета у солдат, как это было во многих других частях. При Керенском он был произведён в подполковники. После Октябрьской революции совет солдатских депутатов батальона, которым к тому времени командовал Пепеляев, избрал его командиром батальона, что также говорит об уважении и авторитете в своём воинском коллективе.

В дальнейшем разложении своих воинских частей Пепеляев винил Брест-Литовский мир, закончивший военные действия. Осознавая бесцельность своего дальнейшего пребывания на фронте, Анатолий Николаевич сразу же после его заключения уехал в Томск.

Позднее, на читинском судебном процессе в январе 1924 г. он давал следующие показания: «Из старой армии я был демобилизован после Брест-Литовского мира. Хотя до этого у меня и были разногласия, но я оставался в рядах армии, т.к. считал защиту страны необходимой. Брест-Литовский же мир был для меня неприемлем, как и для большинства командного состава»¹.

Виновниками начавшегося разложения армии Пепеляев считал командиров, «которые введением в армию выборного начала совершенно её деморализовали. Они отдавали страну на разгром империалистической Германии. В это же время было насильственно распущено Учредительное собрание. Я отрицаю посягательство на свободу и..»². Закончить эту либеральную речь председательствующий судебным процессом Беркутов ему не дал.

С такими тяжёлыми чувствами Пепеляев в марте 1918 г. демобилизовался и приехал в родной Томск. По разным свидетельствам и признанию самого Пепеляева он не вполне разобрался в сложных политических перипетиях того времени. Ему было проще получать приказы и выполнять их. И уже позже, под Пермью, когда узнал, что власть перешла в руки Колчака, он напишет, что «в душе не сочувствовал этому, но подчинился и примирился как с фактом»³.

Отрицательно относился Пепеляев и к Семенову, больше частью по причине сотрудничества с японцами: «Моя дружина под Сретенском участвовала в одном бою, подошли японские части и мне стыдно стало вместе с японцами бороться против русского народа»⁴. Узнав в Харбине, что Амурский ревком представляет собой власть не демократическую (как позиционировал), а коммунистическую, Пепеляев всё же принял решение о сотрудничестве с ними, так как считал «первой задачей борьбу с японцами, то

---

¹ Дело бывшего генерала Пепеляева (Советская Сибирь. 1924. 30 января) // ГАНО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

находил, что ссоры и счеты должны быть забыты»¹. Подобная тактика была продиктована сложившимися патриотическими принципами и присягой служить Родине. Хотя образ Родины был расколот в сознании Пепеляева, о чём неоднократно говорят его противоречивое поведение, дневники, воспоминания очевидцев.

Во время завершения боевых действий в Забайкалье А. Пепеляев имел серьёзный разговор с советским уполномоченным Э.К. Озорниным. Это происходило в тот момент, когда меркуловские части были разбиты и укрылись в расположение японцев. Сам Пепеляев принимал активное участие в их охране. Озорнин предложил ему высказаться, где тот будет в случае войны между Японией и Россией. Пепеляев ответил: «На стороне русских, на стороне Советской России». «Я сам стану большевиком, если понадобится», – говорил он в 1922 г.² Жизнь, однако, была не такой простой и понятной, как армейская честь: «В это время японцы ушли, а борьбу с белыми считал для себя этически невозможной, хотя идеологически порвал с ними»³.

В 32-х летнем возрасте А.Н. Пепеляев написал: «Я – старый солдат, не раз смотревший в лицо смерти в бесчисленных боях гражданской и германской войны»⁴. Отступления с поля боя он не признавал, хотя иногда считал тактически необходимым, например, когда спасал бойцов. В апреле 1923 г., после поражения Пепеляев писал остаткам управления Якутской области, что его дружина не сложила оружия⁵. Среди белогвардейских генералов, которые получили свои звания уже после 1917 г. и которых прозвали «высочками», А.Н. Пепеляев заметно отличался по своим тщательно продуманным боевым операциям.

Однако в военной карьере молодого генерала случались и отступления. Так, летом 1919 г. он был противником отступления в районе Вятки, выступал за продвижение вперед, к Вологде, а затем Архангельску. Однако Пепеляеву пришлось подчиниться омскому приказу об отступлении. «Начатый нами отход привёл нас в конце концов к катастрофе» [13, с. 32]. Через месяц, 25 июля 1919 г. брат Виктор запишет в своем дневнике: «Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, "которую нужно создавать снова", не услышит от самого "народа" призыва к борьбе» [14, с. 75]. Уже тогда Анатолий высказывал брату идею о Земском Соборе, который нужно созвать немедленно. Именно этот орган он считал главным фактором формирования армии, говорил брату, что «хочет уйти» [14, с. 75].

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Так же.

⁵ Речь прокурора тов. Дебрева (Советская Сибирь. 1924. № 31) // ГАНУ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

Солидарности с братом Виктором у них не было, хотя именно с ним он впервые обсуждал идею созыва Земского собора, но не нашел поддержки.

Далее, в декабре 1919 г., во время отступления армии Колчака, под Красноярском, он был вывезен белочехами в бессознательном состоянии. Тогда, в конце 1919 г., во время агонии колчаковской армии А.Н. Пепеляев сделал свой первый политический шаг в духе державного патриотизма – выдвинул уже ультиматум Колчаку о созыве Земского Собора. Н.С. Ларьков назвал эти стремления А.Н. Пепеляева «безуспешными попытками либерализации колчаковского режима» [15, с. 55].

Когда данное предложение было отклонено противниками советской власти, он, будучи в Забайкалье, как сам говорил впоследствии, «решил уйти от политики, т.к. идеологически разошелся с ком.составом белых армий»¹.

В Харбине, куда Пепеляев попал в апреле 1920 г., его стали усиленно обрабатывать большевики, которые старались перетянуть популярного генерала на свою сторону, обещая высокий военный пост на Дальнем Востоке. В результате нескольких встреч, Пепеляев, «не очень искушенный в то время в вопросах политики», как пишет о нём Серебренников, отказался от заманчивых предложений [13, с. 33]. Несмотря на то, что в этот период материальное положение было тяжелым, генерал стал извозчиком, но не поменял ориентацию. Поверхностный взгляд привёл оппонентов к мнению о политической беспринципности А. Пепеляева. На суде прокурор Дебрев даже назвал его квазидемократом, потому что тот «из многочисленных оттенков так называемых демократических течений... официально и формально не связывает себя ни с одной», а сочувствует то эсерам, то областникам, то монархистам². А защитник пепеляевцев Трупп в своей речи выносит вердикт о причинах злодеяний – политическое невежество и «происходящее из него заблуждение». Он установил также, что «Пепеляев – личность идейная, привлекающая к себе окружающих, личность, на которой эти окружающие стараются по возможности строить всякую грязь и жестокость»³.

Сам Пепеляев в своем дневнике писал: «Мои политические убеждения – не знаю. Я непартийный, даже не знаю – правый или левый. Я хочу добра и счастья народу; хочу, чтобы русский народ был добрый, мирный, но сильный и могучий народ. Я ненавижу бюрократизм, крепостничество, людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкоматы и проч.»⁴.

Идейный надлом генерала можно датировать серединой 1919 г. В этот период происходят изменения в ценностных ориентациях Пепеляева: изменив

---

¹ Дело бывшего генерала Пепеляева (Советская Сибирь. 1924. 30 января) // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² Речь прокурора тов. Дебрева (Советская Сибирь. 1924. № 31) // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³ Речь защитника т. Трупп // ГАНО. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁴ Там же.

своё отношение к монарху и монархии, он всё же не может предать армию, которой служил, даже идейно и порвав с ней. Критикуя и порывая с ней, он всё же не переходит на сторону врага. В своём воззвании к белогвардейцам от 18 июля 1923 г., будучи уже в плену, Анатолий Пепеляев писал: «всякая борьба с советской властью – теперь будет борьбой с Россией. Россия теперь спасена»¹. Вновь говорил о чувстве бесконечной любви к народу². А во время следствия подписал поданное в Военный трибунал коллективное обращение «пепеляевцев» ко всем оставшимся за границей офицерам и солдатам русской армии. Оно заканчивалось на высокой ноте: «Преступниками будут те, кто на радость врагов русского народа поднимет свою руку на Советскую власть, так как он поднимает эту руку на новую свободную Россию»³. Разумеется, этот источник необходимо трактовать как вынужденный и продиктованный инстинктом самосохранения.

Итак, мы видим, что А.Н. Пепеляев не был успешным и проницательным политиком, но сделал блестящую военную карьеру, которая претерпела неожиданный поворот в связи с драматическими событиями нашей истории. Военные психологи выделяют важные для достижения этих целей качества, которые в полной мере были присущи и А.Н. Пепеляеву: жёсткое соблюдение внутренней дисциплины, групповая сплоченность, эмоциональная устойчивость в боевых операциях и экстремальных ситуациях, но, как оказалось, не на полях политических баталий. За всё время тюремного срока, Анатолий Николаевич политическими событиями в стране не интересовался, ничего, кроме Библии, не читал [5, с. 117]. Имея, как и многие русские офицеры, одну цель – спасение родины, он не сумел найти выход из ментального тупика, воспринимая свою судьбу, как задание и приказ.

Литература

1. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
2. Сенявская Е.С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 1. С. 5–17.
3. Бажуков В.И. Культурный поворот в исследовании войны в России // Управленческое консультирование. 2013. № 9. С. 159–166.
4. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. 260 с.
5. Петрушин А.А. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. № 1. С. 106–118.
6. Привалихин В. И. Из рода Пепеляевых, Томск, 2004. 112 с.

---

¹ ГАНО. Ф. Д. 158. Оп.1. Д.4. Л.2.

² ГАНО. Ф.158. Оп.1. Д.4. Л.2.

³ Обращение пепеляевцев // Советская Сибирь. - 1924. - № 31.

7. Конкин П. Драма генерала. [Электронный ресурс:] URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm> (дата обращения 06.06.2014).
8. Кобелев А. Голгофа братьев Пепеляевых. Серия Имена и судьбы. Барнаул, 2009. 52 с.
9. Шишкин В.И. «Один из возмутительных эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 4. С. 70–110.
10. Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 2003.
11. Белинский В.Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. СПб., 1844. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_smaragdov.html (дата обращения 04.06.2014).
12. Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917. История военных училищ. [Электронный ресурс:] URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1000763/Vorobeva_Alla_-_Rossiyskie_yunkera_1864-1917._Istoriya_voennyh_uchilisch.html (дата обращения 05.06.2014).
13. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь, 1940.
14. Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 75–100.
15. Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник ТГУ. Сер. История. 2011. № 3. С. 46–56.